

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-65-80

Проявления субъектности и адаптация подростков в разные периоды после развода родителей

Лариса А. Головей

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru*

Елена К. Веселова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, elkonves16@yandex.ru*

Ольга С. Галашева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, oly.g.996@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности субъектности и адаптации подростков на разных стадиях кризиса семейной системы, вызванного разводом родителей. В послеразводном кризисе семейной системы выделяют три фазы: «острую» (продолжительностью до года); промежуточную (от года до двух лет) и фазу стабилизации (спустя два года после развода). В исследовании проверялась гипотеза о том, что в ситуации кризиса семейной системы происходит замедление становления субъектных качеств и нарушение социально-психологической адаптации подростков. Авторы также интересовало предположение о том, что в различных фазах послеразводного процесса показатели нарушения субъектности и социально-психологической адаптации различаются: они более выражены в острой фазе и уменьшаются в фазе стабилизации. Целью работы стало изучение особенностей становления субъектности и показателей социально-психологической адаптации подростков в острой фазе и фазе стабилизации послеразводного процесса родителей.

Применялись следующие методы: методика изучения субъектности в подростково-юношеском возрасте («МЭДОС-3», модификация Овчаровой); методика «Социализированность личности учащегося» (Рожков). Выборка: 145 подростков в возрасте 14-16 лет, в том числе 52 (31 девушка, 21 юноша) – в «острой» фазе после развода и 93 (59 девушек, 34 юноши) – в фазе стабилизации. Результаты исследования выявили замедление становления субъектности и снижение показателей социально-психо-

логической адаптации подростков в ситуации послеразводного процесса родителей. Получены достоверные различия в показателях субъектности и адаптированности подростков в разные фазы кризиса семейной системы. В острой фазе кризиса выявлено снижение общего уровня субъектности, субъектности в сферах общения и деятельности, а также ухудшение социально-психологической адаптации по критериям: «адаптированность», «автономность» и «социальная активность». В фазе стабилизации не наблюдается снижения уровня субъектности, обнаружены более высокие показатели адаптации по тем же критериям. Таким образом, ситуация развода родителей является трудной жизненной ситуацией для подростка, наиболее травматична ее острая фаза, в фазе стабилизации, спустя два года после развода, острота переживания кризиса семейной системы снижается.

Ключевые слова: подростковый возраст, семья, развод, адаптация, субъектность, подростки из семей разведенных родителей, семья после развода, развод как трудная жизненная ситуация

Для цитирования: Головей Л.А., Веселова Е.К., Галашева О.С. Субъектность и адаптация подростков в ситуации развода родителей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 65–80. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-65-80

Manifestations of subjectivity and adaptation of adolescents in different periods after the divorce of parents

Larisa A. Golovey

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, lgolovey@yandex.ru*

Elena K. Veselova

*Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia, elkonves16@yandex.ru*

Olga S. Galasheva

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, oly.g.996@gmail.com*

Abstract. The peculiarities of subjectivity and adaptation of adolescents at different stages of the crisis of the family system caused by the divorce of the parents are examined in the article.

In the post-divorce crisis of the family system, three phases are distinguished: «acute» (lasting up to a year); intermediate (from one to two years) and stabilization phase (two years after divorce). The study tests the hypothesis that in a situation of crisis in the family system there is a slowdown in the formation of subjective qualities and a violation of the socio-psychological adaptation of adolescents. The assumption is tested that in different phases of the post-divorce process the indicators of subjectivity and socio-psychological adaptation differ: they are more pronounced in the acute phase and decrease in the stabilization phase. The purpose is to study the features of the formation of subjectivity and indicators of social and psychological adaptation of adolescents in the acute phase and the phase of stabilization after the parents' divorce process.

The following methods were used: the method of studying subjectivity in adolescence («MEDOS-3», a modification of Ovcharova); methodology «Socialization of the student's personality» (Rozhkov). Sample: 145 adolescents aged 14-16 years old, including 52 (31 girls, 21 boys) - in the «acute» phase after divorce and 93 (59 girls, 34 boys) - in the stabilization phase. The results of the study revealed a slowdown in the formation of subjectivity and a decrease in the indicators of social and psychological adaptation of adolescents in the situation of the parents' post-divorce process. There were obtained significant differences in the indices of subjectivity and adaptation of adolescents in different phases of the crisis of the family system. In the acute phase of the crisis, a decrease in the general level of subjectivity, subjectivity in the spheres of communication and activity was revealed, as well as a deterioration in socio-psychological adaptation according to the criteria: «adaptation», «autonomy» and «social activity». In the stabilization phase, there is no decrease in the level of subjectivity; higher adaptation indices were found according to the same criteria. Thus, the situation of the parents' divorce is a difficult life situation for a teenager, its acute phase is most traumatic; in the stabilization phase, two years after the divorce, the severity of the crisis in the family system decreases.

Keywords: adolescence, family, divorce (broken home), adaptation, subjectivity, teenagers from families of divorced parents, family after divorce, divorce as a difficult life situation

For citation: Golovey, L.A., Veselova, E.K. and Galasheva, O.S. (2021), «Manifestations of subjectivity and adaptation of adolescents in different periods after the divorce of parents», *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 65–80. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-65-80

Введение

Актуальность проблемы обусловлена возрастающей нестабильностью семейной системы в современном транзитивном обществе, увеличением количества разводов в семьях с детьми, что затрудняет процесс развития и социализации детей и подростков. Трудно переоценить влияние, которое оказывает семья и ближайшее окружение на процесс становления личности ребенка-подростка. Именно в семье человек получает свой первый жизненный опыт, зависящий от эмоциональных отношений с родителями [Тимофеенко 2017]. Развод родителей ведет к возникновению ненормативного кризиса семьи, выступает одним из решающих факторов снижения социально-психологической адаптированности подростков [Аккерман 2000; Акьюилино 2004; Тимофеенко 2017]. В результате нарушения процесса семейного взаимодействия затормаживается развитие субъектных свойств; самосознания, коммуникативных качеств, способности активного включения в разные виды деятельности, возникают эмоциональные и поведенческие проблемы [Rattay et al. 2018]. Семья играет значимую роль во всех сферах жизнедеятельности подростка: учебной, досуговой, в его профессиональном самоопределении. Участие родителей в школьной жизни оказывает влияние на школьную успеваемость, социализацию в группе сверстников [Tu et al. 2020]. Особое напряжение в семейной системе наблюдается, когда ребенок вступает в подростковый возраст. У подростков появляется стремление к автономии от родителей, ориентация на ценности референтной группы сверстников, являющиеся проявлениями возрастного нормативного кризиса. Кризис подросткового возраста накладывается на кризис семейной системы. В неполной семье такая ситуация может восприниматься единственным родителем с преувеличенным значением, как катастрофа [Rattay et al. 2018]. Кризисная ситуация, конфликт между родителями, продолжающийся и после развода, рядом исследователей рассматривается в качестве фактора риска психопатологических отклонений. Так, в исследованиях К.Л. О'Хара с соавторами показана взаимосвязь уровня конфликта между родителями после развода с проблемами психического здоровья детей, употреблением подростками психоактивных веществ, их склонности к рискованному поведению [O'Hara et al. 2019]. Выявлено более частое проявление эмоциональных и поведенческих проблем у подростков в семьях с одним родителем [Rattay et al. 2018]. Повышает риск нарушений психического здоровья диады «родитель-ребенок» и изменение социально-экономической ситуации в семье после развода [Agnafors et al. 2019].

Процесс развода и период после развода рассматривается исследователями как ситуация кризиса, в процессе которого выделяется несколько фаз. Продолжительность острой послеразводной фазы различна (от нескольких месяцев до года) в зависимости от ресурсов семьи и социальной поддержки. Все члены семьи переживают кризис, наступающий после юридического оформления развода, ввиду чего семейная система утрачивает способность нормально функционировать. Основная цель на данном этапе заключается в построении нового образа жизни в условиях неполной семьи [Карабанова 2005].

Следующая фаза – перестройка семейной системы – предполагает трансформацию эмоциональной связи в сторону устойчивого доброжелательного/нейтрального отношения к бывшему супругу. Может наблюдаться компенсаторная реакция личности на утрату и стремление к ее восполнению, ввиду чего активность направляется либо на поиск нового партнера, либо объектом привязанности становятся детско-родительские отношения [Карабанова 2005]. В этом периоде, как отмечают исследователи, нестабильное эмоциональное состояние родителей может напрямую влиять на состояние ребенка [Van der Giessen, Bogels 2018; Lotzin et al. 2015].

Завершающей фазой послеразводного периода является фаза стабилизации (неострый послеразводный период), которая наступает спустя два года после развода и характеризуется урегулированием семейной системы. На этом этапе проблемы перестройки семьи успешно преодолены, между бывшими супругами устанавливаются ровные партнерские отношения, становится возможным эффективное сотрудничество в воспитании детей. Психологическим критерием стабилизации является готовность бывших супругов принять прошлое, признать счастливые моменты своего брака и выразить благодарность партнеру за все хорошее, что им довелось пережить вместе [Карабанова 2005].

Как было показано выше, развод может стать одним из факторов социальной дезадаптации подростков [Аккерман 2000; Акьюилино 2004; Амато 2002], оказывая негативное влияние на становление личности и формируя негативный образ семьи [Кутеева, Соловьева 2010]. В то же время переживание развода для подростка способно служить триггером ресоциализации, выступить средством нравственного возвышения супружества, повысить ценность благополучия и счастья собственной будущей семьи [Wolchik et al. 2019].

В подростковый период развития происходит интенсивное формирование субъектных качеств личности (М.А. Щукина, Д.А. Леонтьев и др.). В качестве основополагающего свойства

субъекта большинством авторов рассматривается активность личности, ее способность быть инициатором деятельности, основываясь на внутренней мотивации [Анцыферова 2000; Брушлинский 2003; Знаков 2005]. Субъектность личности проявляется в сферах самосознания, общения и деятельности. В противовес субъектной объектная позиция может выражаться в несформированности Я-концепции, искажении отраженного самоотношения, внешней локализации контроля, низком уровне развития субъектных свойств, в отсутствии жизненных перспектив и потребности в достижениях [Овчарова 2014]. В качестве жизненных показателей субъектности выступают социально-психологическая адаптированность, эффективность учебной деятельности, социальная (межличностная) эффективность. Было установлено, что высокий уровень активности субъекта положительно связан с более высокой общей адаптированностью [Рослякова 2009], в то же время уровень социально-психологической адаптированности рассматривают в качестве индикатора сформированности субъектности личности [Азлецкая 2001]. Снижение уровня субъектности подростка затрудняет процесс обучения и воспитания в школе, возможности его социальной адаптации в целом. В ситуации развода негативные переживания и поведенческие проявления родителей, нарушение взаимодействия с ними часто становятся причиной социальной дезадаптации [Овчарова 2008; Аккерман 2000]. Однако существует мнение, что, несмотря на все сложности, с которыми может столкнуться неполная семья, возможно и благоприятное течение социализации подростков из семей разведенных родителей [Змановская 2003].

Из всего сказанного выше видно, что ситуация развода является трудной жизненной ситуацией и может замедлять становление субъектных качеств личности и провоцировать социально-психологическую дезадаптацию подростка. Однако вопрос о возможностях успешной адаптации подростков и становлении их как полноценных участников социальных отношений в неблагоприятных ситуациях развода родителей остается мало изученным [Кутеева, Соловьева 2010; Аккерман 2000].

Гипотезой представленного исследования выступило предположение о том, что в ситуации кризиса семейной системы возможно замедление становления субъектных качеств и нарушение различных сторон адаптированности подростков. Мы полагаем, что показатели субъектности и социально-психологической адаптации подростков различаются в разных фазах послеразводного процесса родителей, их отрицательные значения могут быть наиболее выражены в острой фазе и уменьшаются в фазе стабилизации.

Цель: изучить особенности социально-психологической адаптации и субъективности подростков в острой фазе и фазе стабилизации послеразводного процесса родителей.

Методы: комплексная методика изучения субъективности в подростково-юношеском возрасте «МЭДОС-3» в модификации Р. В. Овчаровой (2014), которая позволяет оценить показатели субъективности в сферах самосознания, общения и деятельности. Изучение социальной адаптированности проводилось с помощью методики «Социализированность личности учащегося» по шкалам: социальная адаптированность, социальная активность, автономность, приверженность к гуманистическим нормам жизнедеятельности [Рожков 2000]. Методы обработки данных: первичный статистический анализ, вычисление различий при помощи Т-критерия Стьюдента.

Выборка: 145 подростков, обучающихся в лицее, из семей разведенных родителей, возраст от 14 до 16 лет, в том числе 52 человека (31 девушка и 21 юноша) – в «острой» фазе после развода (1 группа) и 93 (59 девушек и 34 юношей) – в фазе стабилизации (2 группа).

Результаты исследования

В ходе изучения субъективности и адаптации подростков из семей разведенных родителей был выявлен процент подростков с высоким, средним и низким уровнем субъективности в зависимости от длительности периода, прошедшего с момента развода (рис. 1).

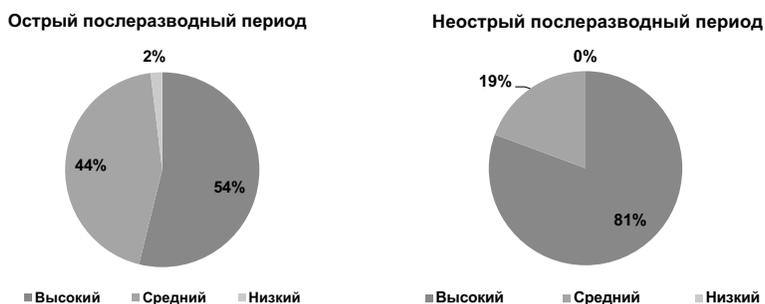

Рис. 1. Процент подростков с разным уровнем развития субъективных свойств в разные фазы послеразводного процесса (Методика «МЭДОС-3», модификация Р.В. Овчаровой).

В группе подростков, находящихся в острой фазе после развода,

54% имеют высокий уровень субъектности, 44% имеют средний уровень и у 2% диагностирован низкий. В группе подростков, находящихся в фазе стабилизации, 81% имеют высокий уровень субъектности, 19% – средний уровень, низкий уровень не диагностирован. Высокий уровень субъектности характеризуется активностью в различных сферах жизнедеятельности, сформированностью Я-концепции, преобладанием внутреннего локуса контроля, позитивными межличностными отношениями, наличием жизненных целей. Низкий уровень свидетельствует о слабой сформированности указанных компонентов, а возможно, указывает на признаки дезадаптации в таких сферах социализации, как самосознание, общение и деятельность.

Анализ средних значений субъектности в разных сферах не выявил достоверных различий между группами по показателю субъектности в сфере самосознания (средний балл подростков 1-й группы – 42,58, 2-й – 42,67) (см. табл. 1). У подростков обеих групп обнаружен высокий уровень развития самосознания (средний балл 42,7). Высокие показатели в сфере самосознания свидетельствуют о склонности подростков к анализу собственного поведения и причин происходящих событий, о тенденции к «уходу в себя», интернальности в поведении, склонности к рефлексии, что является одним из признаков подросткового периода.

В то же время получены достоверные различия между группами по показателям субъектности в сферах общения, деятельности и в общем уровне субъектности. В сфере общения у подростков 2-й группы (фаза стабилизации) обнаружены высокие значения (средний балл – 19,49), что говорит об их стремлении к взаимодействию на субъект-субъектном уровне, высоком уровне развития коммуникативных умений, о развитии коммуникативных потребностей личности, обладании знаниями социально-этического характера, что способствует успешному межличностному взаимодействию. Подростки 1-й группы продемонстрировали средний уровень (14,59 баллов), проявившийся в снижении их активности в качестве субъектов коммуникативного процесса, неразвитости коммуникативных потребностей, в сложностях освоения социальных ролей (см. табл.1)

Различия между группами подростков по параметрам субъектности в области деятельности достоверны ($p \leq 0,000$) при более высоких значениях во 2-й группе (33,62 балла). Как субъекты деятельности подростки 2-й группы выступают её инициаторами и организаторами, в то время как показатели подростков 1-й группы (22,80) свидетельствуют о сниженной активности в сфере деятельности, о том, что интересы этих подростков не связаны со школьной жизнью, их активность в учебной деятельности снижена, вслед-

ствие чего возможны пробелы в школьных знаниях. Указанные особенности субъективности подростков 1-й группы могут выступать в качестве первых признаков школьной дезадаптации. Снижение субъективности в деятельности в сочетании с высокими значениями по шкале «субъект самосознания» может свидетельствовать о «перераспределении» зон субъективности в сторону обращенности самосознания на себя, свои ощущения и переживания, а не на деятельность и окружающую действительность.

Таблица 1

Сравнение средних значений показателей субъективности в группах подростков из семей, находящихся в разных фазах после развода

Показатели	«острая» N=52		«неострая» N= 93		t-критерий Стьюдента	Достоверность различий (p)
	X	σ	X	σ		
Субъект самосознания	42,673	12,053	42,58	9,729	-0,050	–
Субъект общения	14,596	5,609	19,49	5,228	5,270	$p \leq 0,000$
Субъект деятельности	22,807	8,145	33,62	5,843	9,246	$p \leq 0,000$
Общий уровень объективности	80,076	15,319	95,69	13,96	6,239	$p \leq 0,000$

У подростков 2-й группы, семьи которых находятся в фазе стабилизации, ни в одной из сфер не зарегистрирован низкий уровень субъективности. Данные результаты можно интерпретировать как благоприятное завершение переживания кризиса развития семейной системы.

Следующим этапом анализа стало изучение показателей адаптированности подростков (см. табл. 2). Статистически значимыми являются различия по критериям «адаптированность» ($p \leq 0,000$), «автономность» ($p \leq 0,049$) и «активность» ($p \leq 0,000$). По всем перечисленным критериям показатели выше у подростков 2-й группы. По критерию «адаптированность» подростки, чьи семьи находятся в фазе стабилизации, характеризуются высоким уровнем, что может свидетельствовать о прохождении острой фазы. В то же время показатели подростков 1-й группы находятся на нижней границе среднего уровня, что говорит о снижении их адаптированности и продолжающемся кризисе семейной системы.

По следующему критерию – «автономность» – подростки обеих

групп достигли среднего уровня. Подобный результат отражает особенности подросткового возраста: стремление к независимости, склонность действовать на основе самостоятельно установленных принципов и принятых решений. Однако вместе с тем у подростков 2-й группы стремление к автономии выражено сильнее.

Характеризуя социальную активность подростков 2-й группы, можно отметить ее высокий уровень, в то время как у подростков 1-й группы выявлен средний уровень данного показателя, который свидетельствует об отсутствии значимой активности личности в социуме (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнение средних значений показателей адаптированности в группах подростков из семей, находящихся в разных фазах после развода родителей (по методике Рожкова)

Показатели	«острая» N=52		«неострая» N= 93		t-критерий Стьюдента	Доверительная вероятность р
	X	σ	X	σ		
Социальная адаптированность	2,296	0,685	3,206	5,449	8,779	$p \leq 0,000$
Автономность	2,619	0,575	2,838	0,67	1,987	$p \leq 0,049$
Социальная активность	2,565	0,506	3,045	0,441	5,948	$p \leq 0,000$
Нравственность	2,738	0,745	2,849	0,434	1,134	–

Таким образом, характеризуя показатели адаптированности подростков из семей, находящихся на разных фазах послеразводного процесса, можно говорить о том, что значения по критериям социальной адаптированности и социальной активности в острую фазу кризиса семейной системы существенно снижены, при сохранении показателей нравственного развития. Следует отметить и снижение стремления к автономии, свидетельствующее о том, что в острую фазу кризиса подростки ощущают зависимость от окружающих, склонны в принятии решений опираться на окружающих, а это может указывать на их растерянность в новой ситуации распада семьи, на поиск точки опоры. В фазе стабилизации семейной системы наблюдается увеличение адаптированности, социальной активности, стремления к автономии, что может быть показателем успешного завершения кризиса.

Результаты проведенного исследования согласуются с результатами других ученых, в частности Н. Аккерман (2000), В.С. Акьюлино (2004), П.Р. Амато (2002), которые показали, что развод родителей и семейный стресс являются факторами, вызывающими социальную и школьную дезадаптацию подростков. Задержки в становлении субъектности подростков под влиянием острых переживаний по поводу распада семьи, выявленные в нашей работе, подтверждают данные В.П. Кутеевой (2010) о негативном влиянии распада семьи на становление личности подростка. Идея о фазном характере протекания кризисов развития и ненормативных кризисов, высказываемая многими учеными [Поливанова 2000; Василенко, Манукян 2006], конкретизированная в представлении о фазах послеразводного процесса (О.А. Карабанова), также нашла подтверждение в материалах нашего исследования, показавшего специфику как становления субъектности, так и адаптированности подростка в острую фазу и фазу стабилизации. Выявленное улучшение показателей становления субъектности и повышения адаптированности подростков в фазе стабилизации, спустя два года после развода, подтвердило, что острота переживания кризиса семейной системы снижается, а сам процесс может стать определенным триггером ресоциализации. Таким образом, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается подросток, возможен благоприятный исход этого кризиса. Кризис семейной системы при определенных условиях может послужить фактором посттравматического роста, на что также указывают отечественные – Е.В. Змановская (2003) и зарубежные авторы S. Wolchik, C. Christopher, J.Y. Tein, C.A. Rhodes, I.N. Sandler (2019) в своих недавних исследованиях. Важными факторами для благоприятного исхода являются позитивные отношения между расставшимися супругами, взаимопонимание внутри неполной семьи, поддержка социального окружения и др. Учитывая большую продолжительность острой фазы кризиса, как подростку, так и родителям необходима помощь специалистов психолого-педагогических служб.

Выводы

1. Выявлено замедление становления субъектности и снижение адаптированности подростков в ситуации послеразводного периода в жизни семьи.

2. Обнаружены значимые различия в показателях субъектности и адаптированности подростков в разные фазы кризиса семейной системы.

3. В острой фазе кризиса снижен как общий уровень субъектности, так и субъектность в сферах общения и деятельности.

Снижение адаптированности обнаружено по критериям: «адаптированность», «автономность» и «социальная активность».

4. В фазе стабилизации у подростков не выявлено снижения показателей субъектности ни в одной из сфер деятельности; отмечаются более высокие показатели адаптированности по критериям: «адаптированность», «автономность» и «социальная активность».

Таким образом, замедление становления субъектности и нарушение адаптированности различны в разных фазах послеродового процесса.

Ограничения исследования. Ограничением исследования являются неодинаковый численный состав выборок, срезовой характер исследования. Полученные результаты нуждаются в дальнейшем уточнении в лонгитюдном исследовании при уравнивании численного и полового состава выборок.

Литература

Азлецкая 2001 – *Азлецкая Е.Н.* Личностные и средовые детерминанты формирования субъектности личности: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001. 194 с.

Аккерман 2000 – *Аккерман Н.* Роль семьи в появлении расстройств у детей // Семейная психотерапия / Сост. Э.Г. Эйдемиллер, Н.В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Питер, 2000. С. 287–307.

Акьюилино 2004 – *Акьюилино В.С.* Влияние разрушения семьи в детском возрасте на взаимоотношения с родителями у взрослых детей // Журнал Семьи и Брака. 2004. № 56. С. 295–313.

Амато 2002 – *Амато П.Р.* Последствия родительского развода для самоуверенности взрослых детей // Семейный журнал. 2002. № 9. С. 201–213.

Анцыферова 2000 – *Анцыферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.

Брушлинский 2003 – *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; Изд-во Алетейя, 2003. 272 с.

Василенко, Манукян 2006 – *Василенко В.Е., Манукян В.Р.* Возрастные кризисы жизненного цикла: Учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2006. 64 с.

Змановская 2003 – *Змановская Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2003. С. 438.

Знаков 2005 – *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого

бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 9–45.

Карабанова 2005 – *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

Кутеева, Соловьева 2010 – *Кутеева В.П., Соловьева О.А.* Семья как субъект социализации личности // Инженерные технологии и системы. 2010. № 2. С. 191–195.

Овчарова 2014 – *Овчарова Р.В.* Психодиагностический комплекс «МЭ-ДОС». М.: МПСУ, 2014.

Овчарова 2008 – *Овчарова Р.В.* Социально-педагогическая запущенность детей и подростков. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2008. С. 365.

Поливанова 2000 – *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. 184 с.

Рожков 2000 – *Рожков М.И.* Методика для изучения социализированности личности учащегося // Воспитательный процесс: изучение эффективности. Метод. рекомендации / Под ред. Е.Н. Степанова. М.: ТЦ Сфера. 2000. С. 64–66

Рослякова 2009 – *Рослякова Е.Ю.* Взаимосвязь видов активности субъекта жизнедеятельности в ранней юности: Дис. ... канд. псих. наук. Ярославль, 2009. 23 с.

Тимофеев 2017 – *Тимофеев Е.Е.* Проблема разводов в современном мире // Достижения науки и образования. 2017. № 6 (19). С. 103–105.

Agnafors et al. 2019 – *Agnafors S., Bladh M., Svedin C.G., Sydsjo, G.* Mental health in young mothers, single mothers and their children // BMC psychiatry. 2019. Vol. 19 (1). P. 112.

Lotzin et al. 2015 – *Lotzin A., Romer G., Schiborr J., Noga B., Schulte-Markwort M., Ramsauer B.* Gaze Synchrony between Mothers with Mood Disorders and Their Infants: Maternal Emotion Dysregulation Matters // PloS one. 2015. Vol. 10. no. 12.

O'Hara et al. 2019 – *O'Hara K.L., Sandler I.N., Wolchik S.A., Tein J.Y.* Coping in context: The effects of long-term relations between interparental conflict and coping on the development of child psychopathology following parental divorce // Development and psychopathology. 2019. Vol. 31 (5). P. 1695–1713.

Rattay et al. 2018 – *Rattay P., von der Lippe E., Mauz E., Richter F., Holling H., Lange C., Lampert T.* Health and health risk behaviour of adolescents-Differences according to family structure. Results of the German KiGGS cohort study // PloS one. 2018. Vol. 13. no. 3.

Tu et al. 2020 – *Tu K.M., Cai T., Li X.* Adolescent coping with academic

challenges: The role of parental socialization of coping // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 81. P. 27–38.

Van der Giessen, Bogels 2018 – *Van der Giessen D., Bogels, S.M.* Father-Child and Mother-Child Interactions with Children with Anxiety Disorders: Emotional Expressivity and Flexibility of Dyads // *Journal of abnormal child psychology*. 2018. Vol. 46 (2). P. 331–342.

Wolchik et al. 2019 – *Wolchik S., Christopher C., Tein J.Y., Rhodes C.A., Sandler I.N.* Long-term Effects of a Parenting Preventive Intervention on Young Adults' Attitudes Toward Divorce and Marriage // *Journal of divorce and remarriage*. 2019. Vol. 60. no. 4. P. 283–300.

References

Agnafors, S., Bladh, M., Svedin, C.G. and Sydsjo, G. (2019), “Mental health in young mothers, single mothers and their children”, *BMC psychiatry*, vol. 19 (1), pp. 112.

Akkerman, N. (2000), “The role of the family in the emergence of disorders in children”, in Eidemiller, E.G., Aleksandrova, N.V. and Ustitskis, A.V. (ed.), *Semeinaya psikhoterapiya* [Family psychotherapy], Piter, Saint Petersburg, Russia, pp. 287–307.

Ak'yuilino, V.S. (2004), “Influence of family breakdown in childhood on relationships with parents in adult children”, *Zhurnal Sem'i i Braka*, no. 56, pp. 295–313.

Amato, P.R. (2002), “The consequences of parental divorce on the self-confidence of adult children”, *Semeinyi zhurnal*, no. 9, pp. 201–213.

Antsyferova, L.I. (2000), “Psychological content of the phenomenon of the subject and the approach of the subject-activity subject”, in Brushlinskii, A.V., Volovikova, M.I. and Druzhinin, V.N., *Problema sub'ekta v psikhologicheskoi nauke* [Problem in psychological science], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, pp. 27–42.

Azletskaya, E.N. (2001), Personal and environmental determinants of the formation of personality subjectivity, Ph.D. Thesis, Krasnodar, Russia, 194 p.

Brushlinskii, A.V. (2003), *Psikhologiya sub'ekta* [Subject psychology], Izdvo Aleteiya, Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, 272 p.

Karabanova, O.A. (2005), *Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya* [The psychology of family relationships and the basics of family counseling], Gardariki, Moscow, Russia, 320 p.

Kuteeva, V.P. and Solov'eva, O.A. (2010), “Family as a subject of personality socialization”, *Inzhenernye tekhnologii i sistemy*, no. 2, pp. 191–195.

Lotzin, A., Romer, G., Schiborr, J., Noga, B., Schulte-Markwort, M. and Ramsauer, B.G. (2015), “Synchrony between Mothers with Mood Disorders and Their Infants: Maternal Emotion Dysregulation Matters”, *PLoS one*, vol. 12, no. 10.

O'Hara, K.L., Sandler, I.N., Wolchik, S.A. and Tein, J.Y. (2019), “Coping in context: The effects of long-term relations between interparental conflict and coping on the development of child psychopathology following parental divorce”, *Development and psychopathology*, vol. 31 (5), pp. 1695–1713.

Ovcharova, R.V. (2014), *Psikhodiagnosticheskiy kompleks “MEHDOS”* [Psychodiagnostic complex “MEDOS”], MPSU, Moscow, Russia.

Ovcharova, R.V. (2008), *Sotsial'no-pedagogicheskaya zapushchenost' detei i podrostkov* [Social and pedagogical neglect of children and adolescents], Kurganskii gosudarstvennyi universitet, Kurgan, Russia, 365 p.

Polivanova, K.N. (2000), *Psikhologiya vozrastnykh krizisov* [Psychology of age crises], Akademiya, Moscow, Russia.

Rattay, P., von der Lippe, E., Mauz, E., Richter, F., Holling, H., Lange, C. and Lampert, T. (2018), “Health and health risk behaviour of adolescents-Differences according to family structure. Results of the German KiGGS cohort study”, *PLoS one*, vol. 13, no. 3.

Rozhkov, M.I. (2000), “Methodology for studying the socialization of the student's personality”, in Stepanov, E.N. (ed), *Vospitatel'nyi protsess: izuchenie ehffektivnosti. Metod. rekomendatsii* [Educational process: the study of effectiveness. Method. recommendation], TTS Sfera, Moscow, Russia, pp. 64–66.

Roslyakova, E.Yu. (2009), The relationship between the types of activity of subjects of vital activity in early adolescence, Ph.D. Thesis, Yaroslavl', Russia, 23 p.

Timofeenko, E.E. (2017), “The problem of divorce in the modern world”, *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, vol. 19, no. 6, pp. 103–105.

Tu, K.M., Cai, T. and Li, X. (2020), “Adolescent coping with academic challenges: The role of parental socialization of coping”, *Journal of Adolescence*, vol. 81, pp. 27–38.

Vasilenko, V.E. and Manukyan, V.R. (2006), *Vozrastnye krizisy zhiznennogo tsikla* [Age-related life cycle crises], SPbGU, Saint Petersburg, Russia, 64 p.

Van der Giessen, D. and Bogels, S.M. (2018), “Father-Child and Mother-Child Interactions with Children with Anxiety Disorders: Emotional Expressivity and Flexibility of Dyads”, *Journal of abnormal child psychology*, vol. 46 (2), pp. 331–342.

Wolchik, S., Christopher, C., Tein, J.Y., Rhodes, C.A. and Sandler, I.N. (2019), “Long-term Effects of a Parenting Preventive Intervention on

Young Adults' Attitudes Toward Divorce and Marriage”, *Journal of divorce and remarriage*, vol. 60, no. 4, pp. 283–300.

Zmanovskaya, E.V. (2003), *Deviantologiya: Psikhologiya otkloniyayushchegosya povedeniya* [Deviantology: The Psychology of Deviant Behavior], Akademiya, Moscow, Russia, 438 p.

Znakov, V.V. (2005), “Psychology of the subject and the psychology of human existence”, in Znakov, V.V. and Riabikina, Z.I. (ed.), *Sub'ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, personality and psychology of human existence], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 9–45.

Информация об авторах

Лариса А. Головей, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; lgolovey@yandex.ru

Елена К. Веселова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; elkonves16@yandex.ru

Ольга С. Галашева, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; oly.g.996@gmail.com

Information about the authors

Larisa A. Golovey, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; lgolovey@yandex.ru

Elena K. Veselova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia; bld. 48, Moika River Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186; elkonves16@yandex.ru

Olga S. Galasheva, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; oly.g.996@gmail.com